

"Трактат о том, как невыгодно быть талантливым"

Кржижановский С. Д.

Воспоминания о будущем: Избранное из неизданного/Сост., вступ. ст. и примеч. В. Г. Перельмутера.-- М.; Моск. рабочий, 1989.-- 463 с.

ISBN 5-239-00304-1

OCR и редакция: Сергей Кузнецов.

Бытие пусть себе определяет сознание, но сознание не согласно.

С. Д. Кржижановский

Такого трактата Сигизмунд Кржижановский не написал. Лишь заголовок занес в записную книжку. Но вся его жизнь -- исчерпывающе полный материал для такого трактата. Его биография -- это история сознания, которое так и не согласилось с настойчивыми попытками бытия звести его в определенное, заданное, общее русло.

Имя Кржижановского нынешней широкой публике ничего не говорит. Да что там публика -- и профессионалы при упоминании его недоуменно пожимают плечами. Разве что литературовед припомнит изданную ничтожным тиражом в 1931 году книжицу "Поэтика заглавий" (кстати, по сию пору единственная попытка историко-теоретически осмыслить любопытнейшую эту тему). Театровед -- из эрудированных,-- быть может, опознает в нем автора оригинальных, парадоксальностью запомнившихся остропроблемных исследований драматургии Шекспира и Шоу. Да историк театра назовет, пожалуй, нашумевший в начале двадцатых годов спектакль таировского Камерного театра "Человек, который был Четвергом" -- пьесу "по схеме Честертона" сочинил Кржижановский. Вот и все. Капля в море...

Между тем даже помещенная в этой книге фотография свидетельствует, что в двадцатых -- тридцатых годах Кржижановский пользовался прочной известностью: знаменитый мастер фотопортрета М. Наппельбаум выбирал в качестве моделей исключительно писателей состоявшихся, причем определялось это не количеством книг, но мнением *понимающих* современников.

По воспоминаниям А. Арго (и не его одного), в те годы "в литературных и околολитературных кругах много говорили о Сигизмунде Доминиковиче Кржижановском, поэте, прозаике, драматурге, критике, эссеисте и текстологе, человеке великой образованности, замечательном лекторе..."

Где бы он ни выступал с чтением -- в Камерном театре, в доме Станиславского, на Никитинских субботниках, на вечерах, проводимых в квартире Брюсова вдовой поэта Иоанной Матвеевной, у Георгия Шенгели или в одном из домашних "литературных салонов",-- публики собиралось с избытком.

Но проза Кржижановского, изустно популярная, не могла найти дорогу в печать. Он не отчаивался: "Бетховен, которого играют фальшиво,-- все-таки Бетховен. Даже больше: тот Бетховен, которого совсем не играют,-- тоже Бетховен". Хотя чем дальше, тем чаще посещали его печальные предчувствия, вроде записанного одною фразой неосуществленного сюжета: "Сон: как хоронят мои рукописи в мусорном ящике".

Несколько опубликованных прижизненно рассказов оказалось явно мало, чтобы донести до нас эхо популярности Кржижановского среди современников. Все-таки изобретение Гутенберга нанесло сокрушительный удар "устной традиции" в прозе...

Сигизмунд Доминикович Кржижановский родился 11 февраля (30 января) 1887 года в окрестностях Киева, где его отец, Доминик Александрович, тридцать пять лет служил на сахарном заводе Рябушинского, сперва помощником бухгалтера, затем бухгалтером.

Поздний и последний -- четвертый -- ребенок, единственный сын, он был намного младше сестер, возрастная эта дистанция стала и житейской. Только об одной из них -- старшей, Станиславе, актрисе, под псевдонимом Кадмина с успехом выступавшей на провинциальных сценах, а в тридцатых годах удостоенной звания заслуженной артистки и ордена,-- изредка упоминал он впоследствии, но и с ней сколько-нибудь близких отношений не поддерживал. "Кровное родство,-- говорил он,-- это еще не родство. Надо выдержать экзамен на родственника".

Лишь о матери, Фабиане Станиславовне, вспоминал Кржижановский охотно и с нежностью. Имя ее произносил по-особенному, чуть растягивая звуки и вслушиваясь, как медленно гаснут они в воздухе. От нее, мягкой и мечтательной, хорошей музыкантши, унаследовал он музыкальность, пристрастие к фортепианным вещам Бетховена и Шопена. Кстати, в юные годы у него обнаружился хороший голос,